

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛОДАРСКАЯ

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Центра истории организации науки и науковедения
Института истории естествознания и техники РАН
им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;
e-mail: eavolod@gmail.com

Реформа Российской академии наук глазами социального психолога

Введение

Современный этап развития психологического знания характеризуется разнообразием методологических подходов, концептуальных принципов, используемых методик. С одной стороны, это хорошо, так как допускает открытость современного знания, верификацию полученных данных, многомерность трактовок, позволяющих подобрать наиболее соответствующую практическому запросу исследовательскую программу. С другой стороны, многообразие теоретических постулатов и аналитических практик с необходимостью предполагает отсутствие единого представления о предмете психологии. В этой связи бурный рост практической психологии, характерный для постперестроечного периода развития нашей страны, влечет за собой обратное движение маятника в сторону теоретического анализа основ психологической науки. Как отмечает Ю. П. Зинченко: «Внутрипсихологическая рефлексия формирования современного научного психологического поля является интересной и методологически продуктивной» (Зинченко, 2011: 45).

Дифференциация психологического знания, выделение новых направлений и объектов анализа влечет за собой его интеграцию на новом уровне теоретического осмысления. Со всей полнотой эта особенность актуального состояния психологической науки проявляется и в социальной психологии в целом и в социальной

психологии науки в частности. Выйдя за рамки традиционного предмета анализа личности ученого и научных коллективов, социальная психология науки переносит фокус своего исследовательского интереса на объекты широкого социокультурного контекста. Примером подобного выхода социальной психологии науки на уровень макросоциальных процессов является изучение историко-научоведческого опыта реформирования отечественной Академии наук.

Сложность, многомерность, многоаспектность такой большой социальной группы, как Академия наук, невозможна без объединения усилий психологии, истории, науковедения, культурологии, экономики, социологии, методологии и других сфер социогуманитарного знания. Подобный анализ свидетельствует, во-первых, о дифференциации дисциплинарности научного знания, каждое направление которого имеет свой собственный предмет в трактовке общего объекта. А, во-вторых, предполагает объединение усилий и выводов всех направлений с целью получения более полной картины изучаемой социальной реальности.

Нам бы хотелось более подробно остановиться на психологических аспектах процесса реформирования РАН с целью констатации социально-психологических прсчетов и выделения возможностей улучшения этой деятельности.

Необходимость реформирования вначале АН СССР, затем РАН связана с несколькими общими факторами. Поступательный, динамичный характер внутренней логики развития науки реализуется в изменяющемся социальном контексте осуществления научного поиска. Важно уловить как внутренние, так и внешние тенденции функционирования науки. С одной стороны, чтобы не отстать от общего темпа движения мировой науки, с другой — чтобы быть эффективной в системе взаимоотношения науки и общества.

В связи с этим реформа РАН определяется запросом на изменившийся социальный контекст. Встраивание России в координаты экономики знаний, инновационной экономики влечет за собой поиск нового места и роли системы фундаментального знания, его внутреннего и внешнего изменения. «В век становления инновационной экономики задача “охоты за головами” в качестве национального приоритета представляет собой шаг развития страны по направлению страны к российскому интеллектуальному ренессансу. В случае успеха этой инициативы ее социальной базой, социальной силой в России станет общность интеллектуалов, ведущей мотивацией которых будет стремление к инновациям. От инновационного потенциала этих людей во многом будет зависеть качество их жизни и жизни всей страны» (Асмолов, 2008:25).

В пользу важности развития фундаментальной науки в России свидетельствует Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., подготовленный Министерством образования и науки России и утвержденный председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым 3 января 2014 года (Прогноз научно-технологического развития... 2014). В документе сказано, что «долгосрочный прогноз является одним из основных документов системы стратегического планирования развития Российской Федерации. Он определяет наиболее перспективные области развития науки и технологий на период до 2030 г., обеспечивающие реализацию конкурентных преимуществ страны» (Прогноз научно-технологического развития... 2014: 3).

Важно, что долгосрочный прогноз был согласован с Российской академией наук, а при его формулировании использованы материалы институтов государ-

ственных академий наук (Российская академия наук, Российская академия медицинских наук, Российская академия сельскохозяйственных наук). Таким образом, на момент начала реформирования РАН существовала нормативно-правовая база для дальнейшего функционирования фундаментальной науки, причем РАН принимала активное участие в составлении данных документов. Это показывает, что РАН активно взаимодействовала с органами государственной власти и выполняла экспертную функцию.

В складывающейся ситуации изучение изменения системы Российской академии наук представляется важным и своевременным. И главный вопрос, на наш взгляд, — это вопрос взаимодействия всех субъектов, которых затрагивает изменение РАН: ученые, руководство РАН, государственные органы управления, общество, предпринимательский сектор.

При осуществлении реформы РАН важно учитывать общественное мнение о науке. Ведь процессы, происходящие во взаимодействии государства и науки, отражаются в общественном сознании, формируя как имидж научного сообщества, так и органов законодательной и исполнительной власти. Остановимся подробнее на социальных представлениях о науке на момент начала реформы РАН в 2013 году.

При оценке включенности населения России в проблемы науки и техники получены следующие результаты (см. табл. 1) (Индикаторы науки, 2014: 337).

Таблица 1

Включенность населения России в проблемы науки и техники, % (2011)

Виды включенности	Регулярно	Время от времени	Редко	Никогда
Читают статьи о науке в газетах, журналах, Интернете	7	24	35	34
Разговаривают с друзьями о науке и технике	4	24	42	30
Участвуют в публичных обсуждениях проблем науки и техники	2	8	15	74
Подписываются под обращением к руководству по вопросам решения экологических и других научно-технических проблем, участвуют в демонстрациях	3	6	9	82

Как видно из таблицы, общество достаточно индифферентно относится к состоянию развития отечественной науки. При этом уровень развития науки и техники продолжает восприниматься населением среди символов престижа России (см. табл. 2) (Индикаторы науки, 2014: 346).

Таблица 2

Символы национального престижа России и страны вообще, % (2011)

Символы	Россия	Любая страна
Высокий уровень благосостояния граждан	8	30
Военная мощь, ядерное оружие	21	22
Высокий уровень развития науки и техники	7	13
Высокоразвитая культура	4	10
Соблюдение прав человека	4	9

Богатые природные ресурсы	29	8
Большая территория	11	3
Развитая система образования	2	2
Затруднились ответить	6	3

Развитие науки и техники занимает пятое место в рейтинге символов престижа России, хотя отмечено только 7% опрошенных. Тогда как этот признак как характеристика любой страны, вызывающая уважение у других государств, вышел на третье место с почти двукратным увеличением процента опрошенных респондентов (13%). Система предпочтений россиян основана на наличии военной мощи, богатых природных ресурсов и большой территории, что может быть вызвано ориентированностью в основном на природные ресурсы современной отечественной экономики.

Имидж науки в обществе к моменту начала реформы РАН проявляется, в частности, в оценке уровня развития науки как фактора экономического роста и процветания страны (27% опрошенных) вместе с такими показателями, как дисциплина и порядок, соблюдение закона, природные богатства, использование новейших технологий, инициатива и предприимчивость людей, а также развитие образования (Индикаторы науки, 2012). В этом же исследовании из 20 профессий, пользующихся уважением в России, ученый был поставлен на 8-е место (17% опрошенных).

Далее, важным показателем отношения общества к науке выступает социальный престиж профессии ученого. В опросе 2012 года среди профессий, вызывающих уважение у респондента вообще, без относительной привязки к стране, профессия ученого вышла на 6-е место и была отмечена 19% респондентов (Индикаторы науки, 2012).

Наблюдается противоречивость социальных представлений о науке в российском обществе на момент начала реформы РАН. С одной стороны, менее 1/5 части населения оценивает профессию ученого как престижную, что говорит о ее незаслуженно низком социальном статусе по сравнению с другими профессиями и предполагает целенаправленную деятельность по усилению признания этой профессии в обществе. С другой стороны, граждане сохраняют высокий уровень ожиданий от научно-технического потенциала страны. Подобная ситуация создает как позитивный фон для усиления исследовательской активности российских ученых, так и способствует привлечению общественного внимания к изменению положения РАН.

Современное общество можно охарактеризовать как общество с синдромом разваливающейся науки, слабым притоком молодежи, разрывом в передаче знаний между поколениями исследователей, низкой научно-инновационной активностью населения. Уровень экономического развития страны во многом зависит от уровня научного мировоззрения населения, его способности понимать, воспринимать научное знание, инновации. Это диктует все более высокий уровень образования, развития научного мышления и всесторонней интерпретации научного факта. Но желание понимать науку и технологии зависит от того образа, который складывается у людей. Поэтому реформа РАН могла бы улучшить имидж профессии ученого, стимулировать интерес населения к функционированию института науки в стране.

Государство уже неоднократно предпринимало попытки изменения научной политики с целью улучшения ситуации в отечественном научном сообществе, в частности в фундаментальной науке, хотя заявленные цели не были достигнуты. В исследовании восприятия мероприятий научно-технической политики сотрудниками

РАН были получены следующие результаты (в % позитивно оценивших данную меру): повышение объема финансирования из бюджетных средств (77,6%), введение налоговых льгот для научной деятельности (37,7%), повышение качества внутреннего управления (31,1%), улучшение качества подготовки и переподготовки научных кадров (30,7%), получение прав на результаты научной деятельности (20,6%), повышение эффективности деятельности органов государственного управления (15,8%), развитие системы фондов целевого капитала некоммерческих организаций (15,1%), изменение организационно-правовой формы (9,1%) (Кузнецова, 2008).

Ожидаемо, что на первое место вышли мероприятия, связанные с усилением финансирования науки, причем в основном за счет государственного бюджета. При этом изменение организационно-правовой формы науки, то есть разгосударствление фундаментальной науки поддерживается незначительным числом ученых. Можно говорить о том, что традиция государственного финансирования науки дает право государственным органам управления определять и контролировать научную политику, что выразилось в последней реформе РАН, «спущенной сверху» без консультаций с научным сообществом.

При этом большинство ученых не связывают проблемы развития науки непосредственно с государственной политикой. Только 25% опрошенных указали на отсутствие позитивных реформ как источника кризисного положения в отечественной науке, 19% — на их запаздывание, 10% принявших участие в опросе — на несовершенство законодательной базы. Такой фон начала реформы РАН свидетельствует об отсутствии готовности отечественного научного сообщества к очередному этапу радикальных изменений.

Успешность преобразований, реформирования с необходимостью предполагает решение вопроса о доверии тем лицам, которые осуществляют изменение. Создание атмосферы доверия, формирование команды единомышленников являются неперенными условиями, соблюдение которых повысит эффективность внедрения перемен. Опрос научного сообщества, проведенный по следам внесения Федерального закона РФ № 253-ФЗ от 27 сентября 2013 г. «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесения изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», показал, что из 924 принявших участие в опросе академиков, членов-корреспондентов РАН, директоров, заместителей директоров, ученых секретарей институтов РАН 893 респондента ответили отрицательно на вопрос анкеты «Считаете ли вы возможным доверить реформирование РАН чиновникам, не имеющим отношения к академической науке?», 15 человек ответили утвердительно, 16 затруднились ответить (Ефременко, 2014).

Во время объявления реформы практически каждый третий член-корреспондент или академик РАН отказывался работать в новой Академии, выступал с протестом, направлял обращения ответственным за реформирование лицам. Другими словами, все научное сообщество не принимало нового порядка. В это же самое время реформа велась в ускоренном темпе, без опоры на мнение большинства, которого она касается в первую очередь. Несмотря на то что принятый в третьем чтении законопроект отличен от законопроекта, внесенного в Думу при первом чтении, он все так же не отвечает желаниям большинства ученых. Возникает вопрос: «Зачем принимать законопроект, против которого высказываются большинство тех, кого он непосредственно касается?» Фактически, принятый закон лишил РАН управленческих функций. Теперь во главе управления собственностью академии стоит

не ученый, а чиновник. Этот факт вызывает серьезные опасения и неутешительные прогнозы со стороны научного сообщества. Ведь управленец, имея свое собственное понятие об эффективности и не осведомленный о тонкостях работы в науке, скорее всего, будет не в силах вникнуть в настоящие потребности науки. Таким образом, уже в начале осуществления реформы РАН ученые, среди которых предполагается внедрять изменения, не испытывали доверия к реформаторам. Все это, безусловно, усугубило психологическую ситуацию в научном сообществе.

Анализ реформирования РАН предполагает соотнесение мероприятия с подобными, осуществленными в сходных социально-экономических условиях. Интересным для обсуждаемых вопросов является опыт реформирования Польской академии наук, организованной сходным с Российской академией наук образом и имеющей близкую политическую историю функционирования. Реформа Польской академии наук была осуществлена в конце 1990-х — начале 2000-х годов. В качестве основных целей реформы Польской академии наук провозглашались повышение эффективности использования человеческого потенциала исследователей, усиление продуктивности и результативности фундаментальной науки (Антонович, 2010).

Первоначально предполагалось вывести Польскую академию наук из-под подчинения премьер-министра страны, что позволяло вести самостоятельную политику управления имуществом и переподчинить Академию наук министру науки и высшего образования. Но президиум Польской академии наук сумел отстоять свое первоначальное положение, связанное с престижем, независимостью, контролем в распоряжении имуществом. Министерство науки и образования проиграло в этой схватке. Первые итоги реформирования Польской академии наук свидетельствуют о том, что «реформа, направленная на повышение эффективности использования человеческого потенциала и результативности исследовательской деятельности, способствовала не столько модернизации науки и высшего образования, сколько перераспределению властных полномочий в этой области» (Антонович, 2010: 32). Подобный опыт реформирования науки должен быть учтен и использован.

Актуальные события последнего времени, связанные с реформой Российской академии наук и реакцией на нее разных социальных групп — научного сообщества, законодателей, общественности — ставят перед социальной психологией в целом и социальной психологией науки в частности исследовательские задачи, предполагающие включение в предметное поле новых объектов анализа. Речь идет о системе взаимоотношений между наукой и обществом, как внутри профессионального научного сообщества, так и с внешними по отношению к науке группами.

В социальной психологии традиционно применяется модель коммуникативно-го процесса, включающая в себя пять элементов: 1) кто передает сообщение — коммуникатор; 2) что передается — сообщение; 3) как осуществляется — канал; 4) кому направлено сообщение — аудитория; 5) с каким эффектом — эффективность. Такая модель очень эффективна при трансляции, трансфере нового знания за пределы научного сообщества. Использование этого социально-психологического знания могло бы существенным образом повысить эффективность системы межгруппового взаимодействия науки и общества в России (Володарская, 2013).

Государственное реформирование социальной структуры предполагает учет психологических закономерностей диффузии в обществе информации о грядущих изменениях. Диффузия новшества — процесс, посредством которого нововведение передается, распространяется по коммуникационным каналам между членами со-

циальной системы во времени. Важно учитывать, как, почему и с какой скоростью новые идеи и технологии распространяются в обществе. Идеи никогда не охватывают общество целиком в один момент. Они постепенно просачиваются через различные слои населения, каналы коммуникации. Диффузия новшества как коммуникативного процесса предполагает повышение осведомленности, знания о реформе через рекламу в СМИ и межличностное взаимодействие. Часть общества достаточно консервативна, а часть, наоборот, легко включается в новые процессы. Поэтому нет смысла воздействовать на все общество целиком, а необходимо, в первую очередь, убедить наиболее активную новаторскую часть общества.

На начальных этапах осуществления нового действует эффект рекламы, распространения знания о реформе в обществе, ее обсуждение. Это требует определенного времени и специальных усилий со стороны разработчиков. В ситуации реформирования Российской академии наук подобных шагов сделано не было. Неправильное понимание целей и содержания изменений чаще всего вызвано плохой информированностью, что и наблюдалось в ситуации с РАН. Важный повод для сопротивления переменам заключается в недостаточном участии ученых, экспертного сообщества в принятии решения об изменениях. Реформа была навязана без учета мнения, желаний, видения, созданных программ реформирования РАН изнутри.

После того как знание о грядущем изменении было передано и обсуждено, важным становится эффект межличностной коммуникации. Ученые взаимодействуют между собой, дискутируют, приходят к совместно принятому решению относительно путей принятия реформы. Этот психологический коммуникативный канал также не был грамотно использован.

Любое изменение, предлагаемое сверху, в принудительном порядке, предполагает, во-первых, готовность организации к переменам, а во-вторых, четкое соблюдение этапов внедрения перемен. Оба базовых положения не были просчитаны. Сопротивление переменам — это естественное явление. Проблема создания изменений связана не только с их техническим обеспечением, а чаще всего с тем, чтобы заставить принять их теми, кого они коснутся. Неопределенность будущего, отсутствие понимания того, каковы будут последствия перемен, вызывает ощущение личных потерь, угрозу своей защищенности. Поэтому подчиненные будут искать, прежде всего, негативные, а не позитивные стороны нововведений.

Отсутствие четкого представления о том, какое значение будет иметь реформа для каждого сотрудника Российской академии наук, влечет за собой возникновение у них чувства незащищенности, беспомощности, невозможности повлиять на изменения. Ожидания являются ключевым компонентом перемен. То, что люди ждут от перемен и как они могут повлиять на них, обуславливает их реакцию. Управление ожиданиями жизненно необходимо. Неопределенность приводит к тому, что люди будут делать свои собственные выводы, которые могут оказаться совершенно неверными. Все это ведет к формированию отчуждения, которое приводит к усилению сопротивления и негативной оценке перемен. Привлечение ученых к принятию решения по поводу реформы РАН создавало бы условия для свободного выражения своего отношения к этим новшествам, потенциальным проблемам и переменам. В результате уровень понимания и принятия реформы был бы, несомненно, выше.

Отношение к изменениям может быть рассмотрено как комбинация состояния двух факторов: принятие или непринятие изменений, скрытая или открытая демонстрация отношения к изменению. Выделяют четыре типа отношения к изменению:

«сторонник» — принятие изменения при открытом проявлении отношения к изменению; «противник» — непринятие изменения при открытом негативном отношении к изменению; «пассивный сторонник» — принятие изменения при скрытой его поддержке; «опасный элемент» — изменение не принимается при скрытой субъективной позиции.

Для того чтобы провести изменение, необходимо, во-первых, проанализировать и предсказать то, какое сопротивление может встретить планируемое изменение; во-вторых, уменьшить до возможного минимума это сопротивление (потенциальное и реальное). Никакой подготовительной работы в этом направлении сделано не было.

Результативность внедрения нововведения зависит от уровня неудовлетворенности существующим положением дел в организации, от четкости представления желаемого результата после изменения и от успешности первых практических шагов по направлению к желаемому будущему. Также следует учитывать стоимость изменений (финансы, затраты сил, времени, дискомфорт и т. д.). Внедрение изменений включает в себя этапы планирования, начала работ, внедрения и завершения. На каждом из этапов реформирования РАН должна была вестись четкая психологическая работа, способствующая принятию перемен, что также не было реализовано.

Заключение

Таким образом, реформа РАН свидетельствует об отсутствии психологически грамотной подготовки и сопровождения этого процесса. Не были учтены ни состояние научного сообщества, ни его готовность к реформированию, ни необходимость объяснения сути реформы, ее последствий, перспектив и т. д. Результатом этого является негативный имидж реформы, неприятие ее как в российском научном сообществе, так и в обществе в целом. Остановимся более подробно на аспектах имиджирования реформы РАН, которые могли бы снизить негативный эффект.

1. Имидж науки как образ-представление об этом социальном институте формируется в соответствии с тремя аспектами ее функционирования. Во-первых, как предметный имидж, отражающий внутреннюю логику развития научного знания, мнение о содержании производимого нового знания. Во-вторых, групповой имидж, включающий в себя науку как профессиональную группу, социальные условия, формы реализации исследовательской деятельности. В-третьих, персональный имидж, связанный с тем, что наука всегда персонифицируется в конкретных ученых, их индивидуально-личностных особенностях. Имиджформирующая информация о предметно-логическом, социально-научном и личностно-психологическом аспектах науки ведет к возникновению единого имиджа науки, хотя стратегии имиджирования по каждому направлению предполагают разное содержание.

В процессе реформирования РАН акцент был сделан только на один параметр имиджа — групповой. Остальные параметры вообще не предполагалось затрагивать. Но социально-перцептивный процесс обязательно включает в себя все три аспекта представлений о науке. При недостатке информации относительно предметно-логического и индивидуально-личностного аспектов происходит снижение точности восприятия за счет приписывания, достраивания образа до целого.

2. В качестве участников реформы РАН были обозначены государство, иницирующее реформу, и фундаментальная наука, ставшая объектом, а не субъектом реформирования. Но научная деятельность встроена в более широкий социальный контекст — например, в образование, бизнес-процессы, разные группы потребителей, национальную инновационную систему. Изменение одного из элементов системы взаимодействия влияет и на других участников. Последствия для изменения структуры взаимоотношений с социальными институтами, использующими научное знание, не были прояснены и обоснованы.

3. Имидж науки строится на разных основаниях для внутренней и внешней по отношению к производству нового знания аудитории. Для ученых основной акцент в оценке научной деятельности ставится на предметное содержание исследования, актуальность, значимость, верифицируемость полученного результата. Поэтому реформа РАН рассматривается, в первую очередь, как угроза внутреннему содержанию предметной деятельности. Государство, будучи внешней аудиторией имиджа науки, концентрирует внимание на экономической продуктивности, прагматической ценности результата, успешности коммерциализации разработки, идеи, открытия — иными словами, на групповом имидже науки. То есть изначально разные целевые аудитории оценивают реформу по разным основаниям и аспектам. Это также усиливает непонимание.

4. Переход от конфронтации к кооперации предполагает прорабатывание механизмов эффективного диалога между отечественной наукой в лице РАН и обществом, что является залогом как выживания и развития РАН, так и процветания общества, для которого наука выступает основой конкурентоспособности экономики и научно-технического потенциала страны. В сложившейся социальной ситуации конфронтации науки и власти использование знаний о переговорном процессе представляется уместным и своевременным. В условиях конфликта процесс переговоров осложняется угрозами, ультиматумами со стороны участников взаимодействия, а поведение сторон является «жестким» — они ориентированы на продвижение, усиление своей позиции. Переплетение интересов и невозможность реализовать их в одиночку делает участников переговоров взаимозависимыми, в противном случае будут доминировать попытки разрешить конфликт путем односторонних действий. Своеобразие феномена переговоров раскрывается через использование понятия «стратегия переговорного процесса». Важно уметь выбирать стратегию переговоров, адекватную запросам взаимодействующих социальных групп. В рядах научного сообщества не было единого мнения по поводу эффективной переговорной позиции с органами государственной власти.

5. Государственное реформирование социальной структуры предполагает учет психологических закономерностей диффузии в обществе информации о грядущих изменениях. Результаты социально-психологического анализа средств массовой информации, особенностей элементов опосредованного коммуникативного процесса могли бы помочь разработчикам реформы РАН точнее, эффективнее сформировать позитивное общественное мнение. Успешность распространения и принятия реформы, как и любого изменения, включает в себя разные показатели, среди которых выделяют содержание, скорость и каналы распространения информации, социальные условия, в которых функционирует социальная группа, на которую направлена реформа, а также неодинаковые по психологическому содержанию этапы процесса осуществления изменений.

6. Реформирование РАН сталкивается с особенностями воздействия на интеллектуальный капитал, структурно-содержательное своеобразие которого должно быть учтено, в частности в маркетинговой деятельности по продвижению изменений в функционировании отечественной фундаментальной науки. Маркетинг человеческого капитала как составной части интеллектуального капитала нацелен на маркетинг личности новатора, маркетинг знания и образования, маркетинг системы коммуникации.

Итак, эффективное реформирование фундаментальной науки — это вопрос гласного, открытого, публичного обсуждения. Нужно всесторонне, долго дискутировать, совещаться, услышать мнения людей с разным представлением, опытом. Реформа была спущена сверху, целеполагание было недостаточно убедительным, экспертное мнение научного сообщества не было услышано. Как результат — сопротивление принятию реформы, несогласие, повышение тревожности, уровень которой и так достаточно высок среди ученых, усиление негативных психологических последствий нововведений, которые всегда сопровождают изменения, осуществляемые в принудительном порядке.

Литература

Антонович Д. Невозможное возможно. Модернизация Польской академии наук // Форсайт. 2010. Т. 4. № 3. С. 32–38 [*Antonovich D.* Nevozmozhnoye vozmozhno. Modernizatsiya Pol'skoy akademii nauk // Forsayt. 2010. T. 4. № 3. S. 32–38].

Асмолов А. Г. Охота «за звездами» // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 24–28 [*Asmolov A. G.* Okhota «za zvezdami» // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 1 (5). S. 24–28].

Володарская Е. А. Социально-психологические особенности коммуникации в межгрупповом взаимодействии науки и общества // Человеческий капитал. 2013. № 9. С. 24–28 [*Volodarskaya Ye. A.* Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti kommunikatsii v mezhrupповom vzaimodeystvii nauki i obshchestva // Chelovecheskiy kapital. 2013. № 9. S. 24–28].

Ефременко Д. В. Глас эксперта, вопиющего в пустыне: реформа РАН и ее последствия в оценках представителей российского научного сообщества // Социологический ежегодник, 2013–2014. Сб. научн. трудов / под ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 291–312 [*Yefremenko D. V.* Glas eksperta, vopiyushchego v pustyne: Reforma RAN i yeye posledstviya v otsenkakh predstaviteley rossiyskogo nauchnogo soobshchestva // Sotsiologicheskii yezhegodnik, 2013–2014. Sb. nauchn. trudov / pod red. D. V. Yefremenko. M.: INION RAN, 2014. S. 291–312].

Индикаторы науки: 2012: стат. сб. / под ред. А. И. Анопченко, Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, К. Э. Лайкам. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. 392 с. [Indikatory nauki: 2012: stat. sb. / pod red. A. I. Anopchenko, L. M. Gokhberga, Ya. I. Kuz'minova, K. E. Laykam. M.: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2012. 392 s.]

Индикаторы науки: 2014 / под ред. Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, К. Э. Лайкам, С. В. Салихова. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 400 с. [Indikatory nauki: 2014 / pod red. L. M. Gokhberga, Ya. I. Kuz'minova, K. E. Laykman, S. V. Salikhova. M.: NIU VSHE, 2014. 400 s.]

Зинченко Ю. П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 42–49 [*Zinchenko Yu. P.* Metodologicheskiye problemy fundamental'nykh i prikladnykh psikhologicheskikh issledovaniy // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 1 (5). S. 42–49].

Кузнецова Т. Е. Научная политика в оценках российских ученых // Форсайт. 2008. Т. 2. № 3. С. 44–53. [Kuznetsova T. Ye. Nauchnaya politika v otsenkakh rossiyskikh uchenykh // Forsayt. 2008. T. 2. № 3. S. 44–53].

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. URL: <http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (дата обращения: 01.02.2016) [Prognoz nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy federatsii na period do 2030 g. URL: <http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2016)].

References

Antonovich D. Nevozmozhnoe vozmozhno. Modernizatsiya Polskoy akademii nauk // Forsayt. 2010. Т. 4. № 3. С. 32–38 [Antonovitch D. (2010). “Impossible is nothing. A Modernisation of the Polish Academy of Sciences” in: *Foresight-journal*, vol. 4, № 3, pp. 32–38].

Asmolov A. G. Okhota «za zvezdami» // Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 1 (5). С. 24–28 [Asmolov A. G. (2011) “Star Hunt” in: *National Psychological Journal*, № 1 (5), pp. 24–28].

Volodarskaya Ye. A. Sotsialno-psikhologicheskie osobennosti kommunikatsii v mezhrupponom vzaimodeystvii nauki i obshchestva // Chelovecheskiy kapital. 2013. № 9. С. 24–28 [Volodarskaya E. A. (2013) “Social and psychological features of communication in intergroup interaction of science and society” in: *Human capital*, № 9, pp. 24–28].

Yefremenko D. V. Glas eksperta, vopiyushchego v pustyne: reforma RAN i ee posledstviya v otsenkakh predstaviteley rossiyskogo nauchnogo soobshchestva // Sotsiologicheskii ezhegodnik, 2013–2014. Sb. nauchn. trudov / pod red. D. V. Yefremenko. M.: INION RAN, 2014. С. 291–312 [Yefremenko D. V. (ed.) (2014) “The voice of an expert in the desert: Reform of the Russian Academy of Sciences and its consequence in the estimates of the representatives of the Russian scientific community” in: *Sociological Yearbook 2013–2014*. M.: INION RAN, pp. 291–312].

Indikatory nauki: 2012: stat. sb. / pod red. A. I. Anopchenko, L. M. Gokhberga, Ya. I. Kuzminova, K. E. Laykam. M.: Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2012. 392 s. [Gokhberg L. M. (ed.) (2012) Science indicators: 2012. M.: National Research University “Higher School of Economics”. 312 p.].

Indikatory nauki: 2014 / pod red. L. M. Gokhberga, Ya. I. Kuzminova, K. E. Laykman, S. V. Salkhova. M.: NIU VShE, 2014. 400 s. [Gokhberg L. M. (ed.) (2014) Science indicators: 2014. M.: National Research University “Higher School of Economics”, 400 p.].

Zinchenko Yu. P. Metodologicheskie problemy fundamentalnykh i prikladnykh psikhologicheskikh issledovaniy // Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 1 (5). С. 42–49 [Zinchenko Yu. P. (2011) “Methodological problems of basic and applied psychological research” in: *National Psychological Journal*, № 1 (5), pp. 42–49].

Kuznetsova T. Ye. Nauchnaya politika v otsenkakh rossiyskikh uchenykh // Forsayt. 2008. Т. 2. № 3. С. 44–53 [Kuznetsova T. Ye. (2008). Science policy in the Russian scientists estimates in: *Fore-sight-journal*, vol. 2, № 3, pp. 44–53].

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. URL: <http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (дата обращения: 01.02.2016) [Forecast for Scientific and Technological Development of the Russian Federation for the period until 2030. URL: <http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (date of the application: 01.02.2016)].

Reform of the Russian Academy of Sciences through the eyes of a social psychologist

ELENA A. VOLODARSKAYA

principal scientific researcher
at the Institute for the History of Science and Technology of the RAS,
Moscow, Russia;
e-mail: eavolod@gmail.com

Article is devoted to allocation of the social and psychological directions of reform of the Russian Academy of Sciences as object of the interdisciplinary analysis. In focus of attention of the author there are questions of intergroup interaction of science, society, state, social ideas of fundamental science, process of introduction of changes.

The article discusses the characteristics of scientific popularization carried out in the media, the parameters of the diffusion of scientific knowledge, which is a macro-level socio-psychological analysis of the relations between science and society. Possibilities of application of the socio-psychological model of the communication process are considered at a transfer of new knowledge transfer of new knowledge beyond the scientific community.

Keywords: social psychology of science, reform of the Russian Academy of Sciences, the interaction of science and society, image of science, introduction of changes, the communication process.